

Первый шестидесятник

(Окончание. Начало на стр. 1)

Упругость жанра

— Тогда и появилось выражение «шестидесятники»?

— Оно возникло в связи с «Коллегами», и его первым употребил критик Станислав Рассадин. На тот знаменитый вечер «Юности» привнесли свежие номера «Литгазеты», где впервые Стасик писал: «Перед вами новые ребята, шестидесятники».

— Валентин Петрович вас тоже причислял к «мовистам»?

— Нет, к нам он относил Тольку Гладилина и себя. Он говорил: «Это я и мой друг Гладилин... Все уже пишут хорошо, а мы пишем плохо». С понтом, разумеется, — от французского «мове». Такая вот игра литературная. У самого Валентина Петровича в последние полтора десятилетия его жизни после большой операции и депрессивного состояния вдруг началось колоссальное оживление: он опубликовал целый цикл маленьких романов, включая «Святой колодец» — лучшее, что Катаев когда-либо написал, а он повторял: «Это плохо».

— Какие из ваших 23 книг вы считаете наиболее значительными? Какие из них, на ваш взгляд, войдут в «сокровищницу» отечественной литературы?

— Я бы сказал, что это серия моих больших романов, начиная с «Ожога», который и сейчас для меня, пожалуй, является одной из ключевых вещей для целого периода жизни не только моей, но и страны, и мира — в смысле их отражения. Сразу после этого я стал писать «Остров Крым», и, по сути дела, уехал из Советского Союза, спасая эти два романа. Это было вовсе не из-за «Метрополя», а под давлением определенной организации, которая хотела закрыть «Ожог» и, разумеется, «Остров Крым». Потом пошли романы, написанные в эмиграции, — «Скахи изом», «Бумажный пейзаж», «В поисках грустного бэби»... Да я уже забыл, сколько всего навалило... «Новый сладостный стиль», «Московская сага», «Кесарево свечениe» и все такое. Эти книги определяют для меня новую ступень, новую философию романа и мою собственную. Они, конечно, стоят несравненно выше моих молодых вещей.

— Как вы сформулировали бы вашу философию романа?

— В этом смысле мне очень много помог американский университет, где я в течение долгих лет читал курс романа. У меня был семинар под названием «Современный роман — упругость жанра». И я очень много говорил о литературе, в основном российской, и о том, что в молодые годы нам было недоступно, — типа всяких опозиционных вещей (Опозиция — Общество изучения поэтического языка. — Ю.К.), Шкловского, Эйхенбаума, Тынянова, а главное — Бахтина. Последние нескользко лет я читал курс «Два столетия русского романа», в котором идет не только хронология, но развитие этого жанра. Я прихожу сейчас к довольно пессимистическому взгляду. Мне кажется, что тот роман самовыражения, который я пишу, вырождается — не сам по себе, а вырождается отношение к нему публики, он выходит в зону упадка. Меньше интереса вот к такому байроническому роману, а без байронизма, на мой взгляд, вообще нет никакого развития. Это уже чистая коммерция. И я в своем курсе объясняю, что роман возник на базаре как средство развлечения. Публику даже не интересовало, кто написал, не существовал сам институт авторства, романы были анонимные. Они блуждали из страны в страну и появлялись на рынках. Отсюда и название — роман, любовная история. Кричали зазывалы «Novel, novel!» — то есть новинка, давайте покупайте. А потом в конце XVIII — начале XIX века этот жанр захватила элита, аристократия, байрониты, и началась изощренное развитие психологического, романтического, самовыраженияского романа. Это и Пушкин, и, между прочим, как ни странно, и Гоголь, и, в общем, Достоевский — хотя он и антибайронит... Такое развитие привело к модернизму, к экспериментальному и к авангардному романам, которые, может быть, являются высшим проявлением байронического начала. С середины XX века в связи с развитием новых общественных структур, появлением нового рынка, новой коммерции, новой массовой книжной продукции роман начал возвращаться туда, откуда он пришел, — на базар, уже современный, электронный, с массовыми тиражами, яркими обложками, с колоссальной рекламой и с забиванием мозгов. Когда люди приходят в супермаркет и покупают килограммы стейков на неделю и пару романов...

— У нас литература тоже «обазарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Попова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обречены на прошлое с точки зрения рынка.

Русский европеец

— Увидите ли свет полное собрание ваших сочинений?

— В России почти все вышло, но академического не было, потому что издавать его довольно трудно. Это целое предприятие с большими бюджетами. Нужно делать какие-то исследования, писать комментарии...

— Вы включили бы в него все написанное?

— Я бы включил все, в том числе и всякую дрянь, что написал. Однако есть вещи конъюнктурные, но дрянь их не назовешь. Скажем, роман для «Политиздата» про Ле-

онида Красина — «Любовь к электричеству» в серии «Пламенные революционеры», который я собираюсь издать.

— После двух десятилетий жизни в Соединенных Штатах, перебравшись на Старый континент, вы ощущаете себя европейцем?

— Я чувствую себя человеком современного мира, в основном россиянином, русским писателем, в силу судьбы живущем и в Америке, и во Франции.

— Как идет работа над новой книгой о 1764 году в европейской истории?

— В течение полутора лет я собираю материал, и только сейчас я чувствую себя готовым начать. Надеюсь, я не буду вратиться в историческом смысле, но там будет много художественной лжи. Это не реалистический роман.

— Место действия Россия или Европа?

— И то, и другое. Будет и Франция, включая картины Парижа, описание спектакля в «Комедии Франсез», а также Прибалтика, Голландия, замок на каком-то острове, русские поместья провинциальных дворян. Флот, фрегаты, бессмыслицы баталии — типа типа 7-летней войны, прусская и русская тайная служба в причудливых сплетениях. Волтер, странные персонажи и т.д.

— Помните, вы называли Льва Толстого одним из ваших любимых писателей — кроме слишком мелодраматической «Анны Каениной»...

только года полтора щеголяли в них в 60-е годы, когда их было мало.

— Напомните, пожалуйста, при каких обстоятельствах вам пришлось покинуть Советский Союз. Вас изгнали или вы уехали?

— Много было привходящих обстоятельств... Меня изгнали, а для меня это была причина, чтобы попытаться спасти два романа... В принципе, как ни смешно, я из Америки уезжаю, чтобы спасти свои романы. Совсем другая среда, разумеется. В Советском Союзе много занимались слишком плотно, КГБ преувеличивало значение литературы, которая вовсе не так серьезна, но так важна, как им казалось. А в Америке, наоборот, это значение преумножается, на нее никто не обращает внимания. И возникает, как это ни парадоксально, некий скажи момент, когда ты понимаешь, что тебе надо уехать из этой среды, чтобы спасти какой-то сегмент своего творчества, спасти себя как писателя в данном случае.

— То есть вы себя сейчас спасаете второй раз...

— Не в том смысле, что это так у драматически, но речь идет обо мне как о пишущей творческой личности... Для меня, для моего жанра сейчас гораздо важнее сужать мою аудиторию, а не расширять. Но ощущение себя как писателя очень важно, а в Штатах я перестаю им быть. Я там просто пенсионер, хотя еще не вышел в отстав-

— СМИ в России молодые и довольно бурлящие, они демонстрируют большую отважность и в выдумке, и в подходе к проблемам. Другое дело, что есть попытка опять все запречь, опять загнать в какой-то стереотип, и против этого надо сопротивляться. Россия сейчас открыта на все стороны, и она может пойти либо в сторону либерализма, либо очень резко — и это очень опасно — в сторону возникновения не коммунистического, но страшного национально-клерикального общества... Наша доминирующая религия — православие, с моей точки зрения, не оправдала тех надежд, которые мы на нее возлагали. В период тоталитарного атеизма мы все — если можно так грубо сказать — молились на религию и с ней связывали наше освобождение. И вдруг мы сейчас наблюдаем, что православие становится некоей антигуманитарной, антиинтеллигентской силой. И не раз видел, как в Москве на телевидении заседают батюшки и иерархи и начинают довольно грамотным языком выстраивать эту антиинтеллигентскую идею. Они готовы соединиться с кем угодно — только лишь бы противопоставить себя Западу. Очень часто православие изображается единственным христианским течением... У нас в России многие считают, что католики — это не христиане.

— Появились отечественные аятоллы?

— Аятоллы — с такими же бородами. Это,

— Я так не думаю. В военном плане Европа — это часть блока с Америкой. Они никогда себя не противопоставляют. Это все равно, что сейчас вообразить войну Англии и Франции, хотя несколько веков назад не было ничего более естественнее, чем война этих стран. Европа не будет воевать с Америкой...

— Америка будет теперь воевать одна — как это было в Афганистане и, видимо, случится в Ираке. Ей никто не нужен...

— Все супердержавы имеют тенденцию к распаду, и Америка не исключение. Я надеюсь, что какие-то мозговые центры разработают плавный переход из супердержавной ситуации в более естественный союз государств, объединенных одной философией — философией либерализма, демократии и свободы... Мы все-таки лицемерим, не называем вещи своими именами и считаем политически некорректным говорить об этническом факторе, а он присутствует. И на Россию Запад смотрит подозрительно как на часть своего этноса. Приезжая в Россию, я поражаюсь тому, что нахожусь в огромной белой стране. Это меня удивляет после поездки в Америку или Парижа. Такого большого белого мегаполиса, как Москва, в мире не осталось. Белая радиа особенно с телепрограммами вызывает морального экстремизма должна осознать свое историческое место. Не думайте только, что я за какое-то белое превосходство. Но все основные ценности все-таки созданы на этом сильно изрезанном континенте, а не на каких-то просторах пустыни или в месах, слишком покрытых растительностью.

— Переbrвшись в Биарриц, вы теперь на полути из Америки к Москве. Не собираетесь со временем туда перекочевать окончательно?

— Я там уже обосновался — у меня дом. У меня идея такая: в Биаррице я буду писать — французский язык плохо, мне не с кем тут болтать, а когда захочется говорить, буду приезжать в Москву.

— Теперь поездки в Россию, где вы так часто бываете, стали рутиной. Не то, что в начале 90-х годов...

— Да, я просто еду по одному или другому делу. Приезжаю, иду менять деньги, покупаю продукты, раскошегариваю машину. Это теперь для меня не какой-то переход линии субъекта.

— Не было ли болезненным расставание с Америкой, где вы прожили больше двух десятилетий?

— Это очень серьезный вопрос, и я не исключаю, что буду по нему скучать, но отнюдь не по ее издательствам. Скучать по обычным американцам, которые на самом деле очень доброжелательны и милы. В общих они такие кореша. Врачи, рабочие, служащие на бензоколонках — отличные ребята. Или когда сталкиваешься с полицейскими и ты не какой-то совсем уж гад, то они ведут себя очень приятно по отношению к тебе.

Из-за стола — на голову

— Успели ли вы обжиться в Биаррице, куда неведомые российские великаны князья, а также Чехов, Набоков, Стравинский? Внутился племянник Мережковского Александр Сердя создал общество «Баскское побережье — Россия», и сегодня он российский почетный консул в Биаррице...

— Пока круг общения не сложился... Здесь очень мало, только надвигается какая-то колоссальная подливка. Не произошло ли в мире изменения климата? Второе лето подряд в Биаррице сплошная влага. Мало солнца и мало тепла, что очень тревожно. В окне тащутся с Бискайского залива сирены, низкие тучи. Но когда погода меняется, появляются блики, и над нашим пляжем разыгрывается небесная драматургия, солнечные лучи падают на океан, и получается, как в живописи, великолепная картина...

— С кем из великих вы бы предпочли оказаться на необитаемом острове? Вы, конечно, стали бы Робинзоном, а его держали бы на положении Пятницы...

— На положении раба или на положении негра — чтобы писал. Вообще-то я не хотел бы оказаться рядом с писателем. Если уж с писателем, то должна быть какая-то компания — я приветствовал бы опозиционцев — Бахтина, Шкловского, других интеллектуалов. Я жалею, что мало увлекался в юности интеллектуализмом, мне этого теперь не хватает, и уж слишком много стилязики.

— Но вы не хотелось бы вам с автором «Лопытия» пообщаться на бабочке?

— Я бы никогда не стал их терзать... Да и говорят, что Набоков в общении был не очень-то покладист.

— Вы перевели в Биарриц свои рукописи в архивы?

— Нет еще. Мы постепенно перебираемся. Мы под Вашингтоном будем продавать дом, покупать квартиру поменьше, перевозить библиотеку — часть в Биарриц, а часть в Москву.

— Не давно в прогрессивное человечество отпраздновало 200-летие со дня рождения Александра Дюма, прак которого скоро перенесут в Пантон. Как пройдет 200-летний юбилей Василия Аксенова?

— Не знаю, вспомнят ли... Принесут и повесят какие-нибудь фальшивые джинсы, скажут, что Аксенов ходил в них все время. Будут говорить, что был он такой стиляга... Знаете, когда Дюма путешествовал по Грузии, ему подарили штаны. Он сказал какому-то грузину: «Какие на вас красивые штаны!». Тот тут же снял и отдал.

— Это были джинсы?

— Не джинсы, но все в серебре...

— Василий Павлович, что вы себе самому жалеете по случаю 70-летия?

— Поменяе вспоминать эту цифру. К сожалению, не получится, но чтобы в оставшееся мне время — не знаю, сколько его будет — по крайней мере меньше о ней думать. И больше работать.

Слева направо: Виктор Ерофеев, Василий Аксенов и Евгений Носов. Первый приезд из Америки.

АНТОНИЙ МОРКОВИН

ку, — преподаватель. Отработал годы, получил свой чек социального обеспечения, и все. Сиди и мычи в тряпочку. Вот такая, как ни странно, складывается ситуация — не аналогична, но что-то общее проявляется между 80-м годом, когда я уезжал из Москвы, и началом нынешнего века.

— Писатели на Руси — всегда страдальцы: их убивают, сажают, запрещают, изгоняют, исключат, объявили сумасшедшими. Это потому что правители у нас такие дикие?

— В основном из-за этого. Хотя это происходит и в Европе — можно судить по волтеровским делам. При Людовике XV довольно строго смотрели на литературу, и если писатель создавал какой-то неугодный текст, его сажали в Бастилию. Туда Вольтер ехал со своим билльдормом, библиотекой, на борту посуды, винами. Он там отдохнул, а потом его выпустили и говорили: «Давай, линяй из Парижа, ты тут намозолил нам глаза». И он уехал — то в Англию, то в Лондон. Но все делалось без звериной серьезности к бумагомарнию, как в России, где, например, ломали шпагу над головой, как Чернышевского. Ну что это такое??

— Хорошо когда дело ограничивалось шпагой, чаще ломали кости...

— Достоевского вели с барабанами на расстреле, а потом в железе высыпали в Сибирь. Станислав просто всех бабелей изничтожил, забивал. Сам Иосиф Виссарионович, между прочим, был графом, любил литературу и, как ни странно, в процентном отношении убил писателей меньше, чем других. Надеюсь, что этого больше не случится, и Россия все-таки примкнет к процветанию, которое она может стать только колонией. Россия может сократиться на основе так называемой евразийской идеи с исламом. И очень странно видеть, когда многие православные иерархи все чаще говорят о слиянии с исламом,